

Глава 1

Декстер

Она была так прекрасна, что могла любого лишить разума. При виде ее у меня вставали дыбом волосы на затылке, а пальцы сводило от желания прикоснуться к ней.

Поражающая неземной красотой. Восхитительная. И безумно роскошная.

— Выглядит весьма мило. Ты должен очень гордиться, — произнес Гэбриэл, один из моих лучших друзей, уставившись на стеклянную витрину в центре огромного зала отеля «Дорчестер».

— Она действительно великолепна, — ответил я. У меня давно не было возможности на нее любоваться, но такую красоту забыть сложно.

— Не забывайся. Эта штука — всего лишь украшение для женской головки, а не женщина, — произнес Тристан, другой член нашей банды из шестерых друзей, друживших еще с подросткового возраста.

— Это диадема, — поправил я. Для Тристана это просто «штука», которую женщины носят на голове. Для Гэбриэла — россыпь блестящих

камней. Но для меня это воплощение красоты и жизненной силы — семейное наследие, в конце концов.

— Точно, — согласился Тристан. — Насколько я понимаю, ее сделали твои родители?

— Мать разработала дизайн, а отец изготовил.

— Для королевы?

— Для королевы Финляндии. Она надевала эту диадему в день свадьбы.

В детстве, когда я сидел, обложившись конструктором Лего, под застекленными прилавками магазина моих родителей на Хаттон-Гарден¹, мне казалось, что они только и делают, что работают над этим украшением. Они говорили только о нем, что стало лейтмотивом моего детства. На самом деле диадемой они занимались в течение одного только лета, но работа над ней полностью их поглотила. И теперь, увидев ее впервые после их смерти, я понял, почему так сложилось. Диадема просто потрясала воображение — современный смелый дизайн, но в то же время достаточно классический, что делало этот шедевр достойным августейшей особы.

Казалось, сам воздух, которым я дышал в детстве, был пропитан страстью моих родителей к ювелирному делу, и я считаю, мне повезло — я вы-

---

¹ Улица и площадь Хаттон-Гарден стали центром ювелирной торговли в Лондоне во времена Средневековья. — *Прим. пер.*

рос с четким пониманием того, чем мне стоит заниматься в этой жизни. И твердо решил следовать по пути отца с матерью. Но когда они умерли, а старший брат продал наш магазин, даже не поставив меня в известность, одного желания заняться ювелирным делом оказалось недостаточно. Ради родителей, ради того, чтобы сохранить память о них, я хотел стать лучшим в этой области. Я хотел, чтобы их имя — мое имя — стало известным во всем мире, потому что я создаю самые прекрасные изделия. Мои родители этого заслуживали.

— Почему же эта выставка проводится в Лондоне, а не в Финляндии? — спросил Тристан.

— Принцесса выходит замуж за британца, поэтому здесь проводится конкурс на лучшие свадебные украшения для нее. Это поможет привлечь небольшие средства на благотворительность, ведь в Лондоне кошельки поувесистее.

— В таком случае, это имеет смысл, — произнес Гэбриэл.

Тристан сунул руки в карманы и кивнул:

— Да, прекрасная вещица.

Я улыбнулся. Тристан иногда бывает беспечным и забывчивым, но он без малейших колебаний согласился прийти на выставку, когда я пригласил его. Ему, конечно, куда комфортнее сидеть в джинсах перед компьютером, но он безропотно облачился в смокинг, потому что был вернейшим из друзей. Похоже, ему сейчас не помешает вы-

пить. Я заметил официанта с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским, и кивнул ему. Тот подошел, и мы все взяли по бокалу.

— За бриллианты? — предложил тост Тристан.

— За твоих родителей, — поправил его Гэбриэл. Он считался «папочкой» в нашей дружной группе с того возраста, как нам было по семнадцать лет — мудрым, рассудительным, всегда находившим, что сказать в сложных ситуациях, а теперь стал и настоящим отцом маленькой дочурки.

— Спасибо, друг, — с чувством ответил я, чокаясь с ним. — За моих родителей. И за то, чтобы выиграть этот чертов конкурс.

— Я предсказываю, что, если ты победишь, ты откроешь свой первый магазин в Лондоне. Это станет прекрасной возможностью выйти на английский рынок, — сказал Тристан.

Я принимал заказы в Лондоне, здесь находились наш цех и дизайн-студия. Но пока я так и не открыл магазин Daniels & Co в Соединенном Королевстве. Штаб-квартира компании располагалась в Нью-Йорке, а филиалы — в Париже, Риме, Пекине и Дубае. Мы недавно открыли офисы в Беверли-Хиллз и Сингапуре.

Но не в Лондоне.

Здесь я существовал в своем узком мирке, который тщательно контролировал. Я жил и работал в городе, но не общался и не сотрудничал с лондонскими коллегами и конкурентами. Слишком

много хранила моя память воспоминаний о событиях самого печального периода моей жизни, из-за которых магазин родителей на Хаттон-Гарден прекратил свое существование. И о Дэвиде, моем брате, который разрушил наследие родителей и способствовал возвышению нашего конкурента — компании Sparkle. Такое забыть было невозможно.

Мне постоянно задавали вопросы по поводу присутствия моей компании на лондонском рынке, но я неизменно уходил от ответов и хранил на этот счет молчание. Вообще-то я и не планировал открывать магазин Daniels & Co в Лондоне, полагая, что нужно двигаться вперед, а не оглядываться назад. Не было нужды ворошить прошлое — если уж оно похоронено, пусть все остается как есть.

— Так поднимем же бокал за то, чтобы встречаться чаще, — сказал Тристан. — Я так рад оказать тебе эскорт-услуги. Если только ты не полезешь ко мне целоваться в конце вечера.

— Не хочешь, чтобы я тебя осчастливил?

— Нет уж, не надо мне такого счастья. Помнишь тот уик-энд в Праге? Не желаю, чтобы ты опять распускал свои шаловливые ручки, — произнес Тристан смеясь.

— Заткнись, — ответил я, уже не слушая Тристана, потому что заметил девушку в белом платье с длинными золотисто-каштановыми волосами, струящимися у нее по спине. Она держа-

ла бокал и старомодную записную книжку, хотя, похоже, совсем забыла о них и чуть не пролила шампанское на дорожный пиджак Гэбриэла, когда пыталась протиснуться между нами.

— Это было пятнадцать лет назад, причем во сне, — буркнул я.

Я проследил взглядом за незнакомкой, которая подошла к одной из застекленных витрин, и ее лицо расплылось в широкой улыбке при виде пары серег, которые мои родители изготовили в комплекте с диадемой. Порадовавшись, что еще кто-то, кроме меня, наслаждался красотой их ювелирных изделий, я повернулся к Тристану, чтобы продолжить наши с ним препирательства.

Тристан закатил глаза и кивнул:

— Как скажешь. Но во сне или нет, ты действительно ко мне приставал.

Гэбриэл не отличался многословием, но Тристан обычно болтал за двоих. Каким-то чудом мы трое, плюс Бек, Эндрю и Джошуа, умудрялись оставаться друзьями все эти годы. Даже, скорее, братьями.

— Нам всем шестерым не мешало бы снова съездить в Прагу, — сказал Гэбриэл. — Уж теперь-то мы можем себе позволить отдельные комнаты, и мне не придется спать с этим парнем, — сказал Тристан, кивком указывая на меня.

— Я подумаю об этом.

Небольшой отдых в компании лучших друзей — идея совсем неплохая, но только после

завершения конкурса. В последующие несколько месяцев у меня будет очень много работы. Придется заниматься не только разработкой дизайна свадебных украшений для принцессы Финляндии. Необходимо подобрать очень качественные редкие камни, огранить их и закрепить в оправе, поэтому какое-то время мы с друзьями не увидимся. У меня налажены контакты с лучшими поставщиками в этой отрасли, и мне понадобятся самые надежные из них. И у меня точно не появится времени расслабляться в Праге или где-либо еще.

— Мы можем поехать туда, чтобы отметить победу Декстера в конкурсе, — предложил Гэбриэл, словно читая мои мысли.

Тристан пожал плечами.

— Как пожелаете. Но я никак не могу понять, на кой тебе сдался этот дурацкий конкурс. Ты особо не нуждаешься в работе. И тем более в деньгах. Разве я не прав?

Разумеется, Тристан был прав. Мне не требовались ни деньги, ни работа. Мне нужна была победа.

Частично ради репутации — я бы получил еще одно свидетельство того, что я первый в своем деле. Но в основном в память о родителях. Они бы, конечно, хотели, чтобы я выиграл конкурс, повторив то, что сделали они поколение назад. Моя победа стала бы подтверждением того, что их страсть к ювелирному искусству передалась по

наследству и записана у меня в генах. Она доказала бы, что я принял у них эстафету.

— Вроде бы милостыню пока не прошу, так что не беспокойся, — сказал я.

— Рад слышать. Но все-таки, если хочешь избавиться от своего Aston Martin DB5 по бросовой цене, я готов заплатить наличными.

— Купи себе свой и отстань от меня, — ответил я, а потом повернулся к Гэбриэлу. — Если вдруг узнаешь, что я погиб при неизвестных обстоятельствах, сообщи в полицию, кем им стоит заняться в первую очередь, — сказал я, кивая в сторону Тристана. — Наверняка они обнаружат в его кармане ключи от моей машины.

Тристан пожал плечами, словно услышал само собой разумеющееся. Он весьма часто пользовался моей машиной, так что у него вовсе не было повода убивать меня из-за нее.

— Мы тут с вами устроили междусобойчик, как макбетовские ведьмы. А тебе ведь надо общаться с людьми.

Возможно, Гэбриэл прав. Я пришел сюда, чтобы продемонстрировать коллегам по ювелирному делу, что не отношусь к ним свысока. Я оглядел зал, присматривая, куда бы приткнуться, выбирая небольшую группу людей, которые не начнут сразу же забрасывать меня комментариями по поводу моих родителей. И, конечно же, у меня не было ни малейшего желания наткнуться на кого-нибудь из Sparkle. Скользнув взгля-

дом по веренице людей с бокалами шампанского в руках, я снова заметил девушку в белом платье, стоявшую перед витриной, где красовались серьги, которые мои родители создали в качестве свадебного украшения для королевы Финляндии.

— Хорошо. Оставляю вас ненадолго, — сказал я, направляясь в сторону девушки в белом.казалось, она была единственным человеком в зале, кого больше интересовали ювелирные изделия, чем общение с людьми, а это означало, что с ней стоит познакомиться.

Проходя мимо одного из стендов, я заметил приколотый к нему листок со списком приглашенных. Примроуз, главному дизайнеру моих изделий, будет интересно узнать, кто присутствовал на сегодняшнем мероприятии. Я вытащил телефон и сфотографировал список, а потом провел по листку пальцем, чтобы найти там свое имя. И тут же отпрянул, словно меня ударило током. Я, конечно, ожидал увидеть там свою фамилию, но в списке значилось два человека по фамилии Дэниелс.

Значит, Дэвид тоже здесь.

Мой брат, который пытался разрушить наследие моих родителей. Брат, которого я так ненавижу.

По моему телу прокатилась волна жара, и я быстро повернулся, чтобы оглядеть зал. Он же не может быть здесь, правда? Смогу ли я узнать его

спустя пятнадцать лет? В свои тридцать семь он мог уже полысеть, как отец.

— Декстер Дэниелс! — Добродушного вида незнакомец лет пятидесяти схватил меня за локоть и крепко пожал мне руку, вырвав из мрачных мыслей, которые затягивали меня, как черная дыра. — При виде вас я чувствую себя дряхлым стариком, — произнес он. — Если бы Джойс Маклин не сказал, что это ты, я бы ни за что не поверил.

Он улыбнулся мне так, словно думал, что я должен непременно узнать его, но я был уверен, что никогда в жизни его не видел.

— В последний раз, когда я с тобой общался, ты держал в одной руке бутылку уксуса, в другой тряпку и мыл окна в магазине своих родителей.

Я выдохнул и представил, что меня ограждает невидимый щит, не позволяющий его словам дойти до моего сознания, проникнуть в его потаенные уголки, которые я так долго пытался защитить. Вот почему в тот день Тристан и Гэбриэл пришли сюда. Конечно, Тристан любит выпить на халяву и пофлиртовать с женщинами, которых тут предостаточно. Тем не менее они с Гэбриэлом должны были выполнять роль буфера между мной и всеми этими людьми.

— Они были прекрасными людьми, — ответил я. Вот почему я всегда старался избегать подобных ситуаций. Я знал, насколько талантливы мои родители, и не хотел, чтобы незнакомые люди

сыпали мне соль на рану, так и не зажившую после их смерти.

— Да, они были талантливыми. И такими добрыми. Это произошло так давно, но ювелирная индустрия все еще ощущает утрату.

— Вы совершенно правы, — сказал я. — Для меня это стало огромной потерей, но и для ювелирного дела тоже. — Я почти автоматически выдал заранее отрепетированный ответ.

Обычно подобный вежливый обмен любезностями с последующим рукопожатием на этом и заканчивался, но незнакомец — кем бы он ни был — не собирался от меня отставать.

— Вы знаете, по чему я больше всего скучаю? — спросил он. — По смеху твоего отца, а смеялся он нечасто.

Я улыбнулся — на сей раз вполне искренней улыбкой, а не натянутой, которая сохранялась на моем лице весь вечер. Мой отец был всегда серьезен, особенно когда работал. Но не в кругу семьи. Наш дом всегда наполняли смех и веселье.

— Только ваша мама могла заставить его смеяться, — продолжал незнакомец.

Я кивнул, вспоминая, как она рассказывала всякие веселые истории, когда они вместе работали в магазине, пытаясь поднять ему настроение. Они были замечательной командой.

— Когда он ходил с серьезным лицом, она говорила, что в него вселился дух его отца — вашего дедушки.